

самостоятельно овладела азбукой Морзе.

— Ты — фантазерка, — не осуждая, а все больше и больше проникаясь мечтой подружки, говорила Лара.

— Наверно, — соглашалась Эмма. — Но вообрази, как здорово!

Вскоре Эмилия надолго (но не навсегда) покинула Котлас. Москва, библиотечный институт. Свердловск, работа по

вчера родилось стихотворение «Пристань в Сольвычегодске»? Там и Благовещенский собор, и «серебристая Вычегда», и «нездешний белый теплоход»...

Я слушаю гудки
протяжные.
Извечный зов, подводный гул...

Пока жду рейса
на Коряжму я —
Сажу на древнем берегу.
А в Коряжме в семье
Смирновых ждали ее с нетерпением. «Эмма приехала!» — как праздник. Родной человек! Они часами бродили по поселку, по набережной, ве-

Живет поэт,

покуда помнят...

Такой она и запомнилась ей на всю жизнь: маленькая девочка с пухленькими щечками в зеленом бархатном пальтишке. И глаза, удивительные глаза, излучавшие неземной свет. Несмотря на свои четыре года, это был не по возрасту рассудительный ребенок.

— Давай знакомиться! Как тебя зовут!
— Эмма...

С ТЕХ пор прошло шесть-десять с лишним лет.

Жительница Коряжмы Лариса Николаевна Смирнова помнит точно: в 1932-м.

Новые соседи, определенные в их лимендский дом, и Ларе, и сестрам ее понравились. Вежливы, внимательны, тактичны, добры. Старшие — педагоги. Эта профессия вызывала тогда мгновенное уважение у окружающих. А Нина Александровна Жданова и Иван Афанасьевич Бояришинов слыли не просто учителями, а учителями с большой буквы. Подвижниками.

Дети (а было их в семье девять) не кичились родительской образованностью, не старались как-то выделиться в компании сверстников, не задавались. Кстати, пятеро Бояришиновых стали впоследствии педагогами. И Эмилии — золотой медалистке первой Лимендской школы — пророчили тот же путь. Но она выбрала литературу...

— Стихи Эмма стала писать в старших классах, — рассказывает Лариса Николаевна. — Но в ее ранних строчках угадывалось большое дарование.

— Твой? — удивлялись одноклассники...

— Мои... — смущенно отвечала девушка.

Но увлечение поэзией первоначально она не связывала с дальнейшей судьбой. Ей хотелось стать... капитаном. Капитаном дальнего плавания.

— Интересно, а в море берут девочек? — пыталась она Ларису. — Только представь себе: разные страны, масса впечатлений, экзотика. Волны, чайки...

И взахлеб читала книги о путешествиях и даже

профессии. Потом захлестнула журналистика. Редакторство в Среднеуральском книжном издательстве. Затем литературный институт. Публикации в толстых журналах. Появление первого, сборника «Утренняя песня».

Теперь этот сборничек — великая редкость. Но у Л. Н. Смирновой он имеется. Подарок. «Милой, славной, доброй Ларисе от автора. 23 декабря 1959 г.». И все стихи удивительно соответствовали названию — будто было в них что-то от песни. Без фальшивых нот, прозрачные и чистые. И конечно же, навеянные воспоминаниями о доме, о родине.

Приезжая на Север, Эмилия Ивановна срывалась в лес, к реке, рыбачила и путешествовала. Любимые, места — Сольвычегодск, где жила родня, учительствовал дед Александр Дидимович Жданов, на Иксу, в Коряжму. Это были минуты отдохновения, в которые она могла позволить себе спеть русские народные песни, романсы. О, как звучал в ее исполнении «Вечерний звон!» Не в такие ли ве-

село болтали. Иногда Эмма становилась задумчивой и молчаливой. Наверно, в эти минуты в ее голове рождалось новое стихотворение...

— Давай сфотографируемся! Прямо здесь! На память! — по-девчоночьи загоралась она.

А фоном становился кинотеатр «Аврора» или залщик ожидания на станции Низовка.

— Как у вас хорошо! — восхищалась увиденным поэтесса. — Настоящий город. Написать бы что-нибудь о Коряжме! Сочиню! Увидишь!

Но стихов не получилось. Хотя рифмованные строки, адресованные в поселок строителей, химиков, бумажников, были. Например, такие: «Вот мчится тройка удалая... И может, я примчусь на ней — в тот край, где Новый год сияет огнями Лименды моей...» Или шутовское послание по случаю дня рождения подружки: «Ларисе в день рождения с самой нежной любовью посылаю «диск здоровья». Советую Лариске крутить себя на диске...»

Как могла, участвовала поэтесса в судьбе подружки из Коряжмы, чем могла, поддерживала ее в трудные минуты. Таким уж щедрым на доброту было ее сердце. И слишком уж рано оно надорвалось: двадцать лет назад, 1 декабря 1978 года, Э. И. Бояришинова умерла. Было ей только 50 лет.

Но остались стихи в журналах «Урал», «Огонек», «Работница», в семи книжках, вышедших при жизни в Свердловске, Архангельске, Москве. А совсем недавно — и в Котласе, который она любила и по которому так скучала. «Застенчивая родина» назван этот сборник. Для многих любителей поэзии встреча с творчеством землячки — большая радость. Ведь поэты, живут до тех пор, покуда их помнят. Как и вообще все люди.

Владимир НОГОВИЦЫН.